

из Константинополя митрополит Пимен. По приказанию великого князя он был отправлен в заточенье в Чухлому. Но уже в октябре 1382 года великий князь прогнал Киприана из Москвы, а на его место поставил Пимена, который, однако, почти все время пробыл в Константинополе, где ему приходилось оспаривать свое право на митрополичью кафедру: на это место претендовали и суздальский епископ Дионисий, также находившийся в Константинополе, и Киприан.

В 1389 году умер великий князь московский Дмитрий Иванович Донской, в этом же году умер Пимен, еще раньше, в 1385 году, умер Дионисий. Таким образом, путь к митрополичьей кафедре Киприану после многолетней „замятни“ на русской митрополии оказался свободным. Василий Дмитриевич, в том же 1389 году заняв великокняжеский стол, зовет на митрополию Киприана. В 1390 году Киприан приезжает в Москву. С этого года и до самой смерти в 1406 году он бесценно занимал митрополичью кафедру.

Итак, в 1380 году Киприана в Москве не было и не было вообще никакого митрополита, и благословлять поход Дмитрия ни Киприан, ни какой-либо другой митрополит не мог. Чем же объяснить то обстоятельство, что автор „Сказания“, явно противореча исторической правде, ввел в число действующих лиц своего повествования митрополита Киприана?

Автору „Сказания“, поставившему своей целью на примере Дмитрия Донского показать идеальный образ великого князя московского, совершенно необходимо было представить его поддерживающим прочный союз с митрополитом. Для феодального периода сила, мощь, первенство соперничающих между собой княжеств определялись не только силой княжеской власти, но и тем, что в этом княжестве наряду с высшей государственной властью находилась и высшая церковная власть. Достаточно напомнить, какое огромное значение придавал Иван Калита перенесению митрополичьей кафедры в Москву и как он много сделал для того, чтобы подготовить почву с помощью митрополита Петра для официального в дальнейшем перенесения митрополичьей резиденции в Москву.

В произведении не документальном, историческом, а художественном, каким является „Сказание о Мамаевом побоище“, из соображений публицистических автор мог ввести в число действующих лиц и митрополита Киприана, хотя это и противоречило историческим фактам. Примеры такого вольного обращения с фактами в художественных произведениях древнерусской литературы мы наблюдаем и в самых ранних и более поздних памятниках. В „Слове о полку Игореве“ автор, для того чтобы подчеркнуть мужество и отвагу Игоря, переносит солнечное затмение ко времени до выступления Игоря в поход, хотя на самом деле оно произошло уже во время похода; в „Казанской истории“ автор заменяет разряды войск, действовавшие под Казанью в 1552 году, разрядами ливонских походов начала 60-х годов XVI века.¹

Подчеркивая религиозность Дмитрия, его смирение, рассказывая о постоянных молитвах великого князя московского, упоминая в своем рассказе игумена Сергия, епископа коломенского, автор „Сказания“ не мог не рассказать о единстве, о союзе между великим князем и митрополитом. Это тем более нужно было сделать автору „Сказания“, что период конца XIV — начала XV века, в противоположность всему

¹ Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“. Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, примечание на стр. 272—273.